

нужно отнести научный характер трудовъ и представителей. Эверсъ принявши начала, выраженные западной наукой по исторіи законодательства, къ матеріалу древне-русской исторіи. Представители названной школы отличались и значительной долей безпристрастия, особенно цѣннаго въ виду ихъ иноземнаго происхождения. Неудивительно, что школа Эверса имѣла цѣлый рядъ послѣдователей: Геденова, Шовайскаго, С. М. Соловьева, Никитскаго, Погодина и др. Къ числу недостатковъ названной школы нужно отнести то, что представители ея превеличавали замѣшествованіе русскихъ правовыхъ понятій изъ Германскаго права. Сходство правовыхъ понятій у нихъ объясняется сходствомъ культурнаго развитія.

§ 16. Сергей Михайловичъ Соловьевъ.

Библиографія:

Шенкуновъ. Ученая односторонность. Русское Слово 1864 г.

Гербе. С. М. Соловьевъ. Историческій вѣстникъ 1880.

Безобразовъ. С. М. Соловьевъ. Его жизнь и ученая — Литерат. вѣстникъ. С. 1899.

Клюевскій. Рѣчь и отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета. 18 Янв. 1880 г.

Соловьевъ родился въ Москвѣ въ 1820 г., а умеръ въ 1879 г.; былъ сынъ священника, законоучителя одной изъ Московскихъ гимназій; въ эту гимназію и самъ потомъ былъ опредѣленъ. Еще въ гимназіи онъ почувствовалъ призваніе къ исторіи. Здѣсь, между прочимъ, онъ прочелъ „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, а эта исторія въ то время еще имѣла большое значеніе, такъ какъ недостатки ея еще не были такъ ощутительны, какъ теперь. Въ университетѣ онъ слушалъ Каленовскаго и Погодина. Оба эти историка - профессора излагали свой предметъ - Русскую исторію въ диаметрально противоположныхъ направленіяхъ. Каленовскій, какъ извѣстно, былъ главой скептическаго, а Погодинъ - представителями положительнаго направленія, математическаго метода. По окончаніи университета Соловьевъ былъ отправленъ за границу, гдѣ забылъ обширное знакомство преимущественно съ славянскими учеными. По возвращеніи изъ за границы онъ въ 1845 году сдѣлалъ пріемъ у Погодина по кафедрѣ русской исторіи. Около этого времени онъ началъ вращаться въ тогдашнихъ Московскихъ славянофильскихъ кружкахъ. Его магистерская диссертація называется: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ и докторская: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома.“ Въ университетѣ онъ читалъ обыкновенно 2 курса: общій и спеціальный - по какому нибудь отдѣлу русской исторіографіи 2 ч. проф. Багалъя.

ской исторіи. Читавъ онъ и публичныя лекціи: объ установленіи государственнаго права въ Россіи и о Петрѣ Великомъ. Въ 1851 году появился 1ый томъ его „Исторіи Россіи“ и затѣмъ ежегодно выходило по одному тому - до самой его смерти и вышло всего 28 томовъ, а послѣдній 29ый изданъ уже послѣ его смерти. Другія работы С. М.: „Обзоръ событій смутнаго времени“, „Обзоръ царствованія Михаила Федоровича“, „Очерки исторіи Малороссіи“, „Русскія исторіи XVIII вѣка“, „Размышленія надъ исторической жизнью народовъ“, Географическія свѣдѣнія о древней Руси“ и многія другія. Слѣдуетъ сочиненій С. М. Соловьева составленъ профессоромъ Поповымъ (1880г.) С. М. былъ человекомъ глубокаго убѣжденія, обладавшимъ и стойкимъ характеромъ, имѣлъ опредѣленные взгляды на наше прошлое и въ своей жизни и ученой дѣятельности высказывавъ эти взгляды.

Обзоръ „Исторіи Россіи въ древнѣйшихъ временахъ“. Это сочиненіе представляетъ собою 3^ю стадію въ развитіи Русской исторіи, какъ науки. 1^я стадія - „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, 2^я - „Исторія Русскаго народа“ Полевою. „Исторія Россіи“ подводитъ, такъ сказать, итогъ новаго направленія въ наукѣ. С. М. является не только собирателемъ матеріала; онъ скажетъ и свое новое слово. Основная идея, положенная Соловьевымъ въ его трудъ - есть народное самознаніе. Вотъ какими словами онъ опредѣляетъ задачи исторіи: „не дѣлать,

не дробить русскую историю на отдаленный час, периоды, но соединять их; смотреть преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не раздвигать начал, но рассматривать их во взаимодвижении, стараясь объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выдвигать его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот убежденность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда." Подобно Карамзину, Соловьев развивает государственное начало, но начало это зарождалось не в призывах князей, как у Карамзина. Карамзин считал основным началом русской исторической жизни — государственное. Он видит его как первое время, так и в дальнейшем ходе русской истории. Княжеские усобицы, по его мнению, представляют нарушение общего правила. Соловьев видит два основных начала, из которых одно сливается с другим и которые составляют смысл всей нашей истории: начало родовое и государственное, которое разлучило и сливало родовое. Войтинское начало, выдвинутое Кавелинским, у Соловьева стоит в тени; ему не отведено должного места.

Родовое начало. Здесь Соловьев принимает исходный пункт воззрения Эверса. Соловьев уверит о бытии восточных Славян, когда они обратились к призыву князей, так: "что касается до бытия восточных

славянскихъ племень, то начальныи мѣстоименіе -
 сему оставиши нѣмъ о немъ существующее извѣстіе:
 „каждый живъ съ своимъ родомъ, отдѣливъ но
 на своихъ мѣстахъ, каждый властью родомъ
 своимъ“. Единство рода, связь племень (въ перво-
 начальномъ значеніи слова) поддерживались
 единымъ родоначальникомъ... Старшій имѣлъ
 обязанность блюсти вѣстои рода, думать, га-
 дать оъ этомъ, имѣть все хъ родней, какъ
 душу; права его состояли въ уваженіи, кою-
 лое оказывали ему, какъ старшему; къ нему
 относились во все хъ дѣлахъ, касающихся ро-
 да; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣ-
 лалось, онъ былъ распорядителемъ замятій,
 раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ
 и наказывалъ; но все эти распоряженія по-
 лучали силу только съ общаго согласія.“
 О возникновеніи вѣща Соловьевъ говоритъ:
 „первоимъ признакомъ общенія между оу-
 дѣльными родами, живущими вмѣстѣ, дол-
 женеіствовали общія складки, совѣты, вѣща;
 но на этихъ складкахъ мы видимъ и носилъ
 однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что
 эти вѣща, складка старшинъ, родоначальни-
 ковъ не могли удовлетворить возникшей обще-
 ственной потребности, потребности наряда,
 не могли создать связи между соприсущи-
 вшимися родами, дать имъ единство, ослабить
 родовую особность, родовой эгоизмъ, - дока-
 зательствомъ служатъ усобицы родовыи, кон-
 чившіяся призваніемъ князей“. Значеніе горо-
 довъ авторъ видитъ въ томъ, что „въ горо-
 дахъ болѣе частыи столкновенія, болѣе ча-

стныя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанию о необходимости порядка, правительственнаго начала." О причину призванія Заряжскихъ князей С. М. говоритъ: „Роды, сложившіеся на одною мысль и потому самою стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, порядок, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорѣ безпристрастнаго, — однимъ словомъ третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чуждаго рода." Кавелинъ въ рецензій на I^{юм} томъ исторіи Россіи Соловьева говоритъ, что въ послѣднее время изслѣдователи русской исторіи обратили все вниманіе на внутреннее значеніе историческихъ событій; вѣнчательная сторона, бывшая раньше у историковъ на первомъ планѣ, теперь поставлена на вторую мысль: — возможность призванія Заряжскихъ, истинное его значеніе, какъ и весьма естественно, говоритъ Кавелинъ, стали казаться важнѣе, чѣмъ вопросъ о національности Заряжскихъ. Отсутствіе чуждаго вліянія въ русской исторіи дѣлаетъ изъ нихъ вѣнчательныя вѣдѣнія въ вопросѣ: были ли призванные князья Германско-Скандинавы или Славяне съ Балтійскаго поморья. Соловьевъ является представителемъ этого взгляда въ нашей исторической литературѣ, и надо отдать ему справедливость, говоритъ Кавелинъ, представителемъ полнымъ и изслѣдовательнымъ. По мнѣнію Соловьева, Славяне очень свободно могли призвать и иностранцевъ, такъ какъ въ то время не было

еще национальной нетерпимости, разница между Славянами и германцами въ правахъ, религии, обычаяхъ была незначительна и даже въпоследствии Новгородцы и Псковитяне охотно призывали къ себѣ Литовскихъ князей. О характеръ управления первыхъ Русскихъ князей Соловьевъ говоритъ: „Фактъ, за котораго ходитъ само князь, была первоначально видъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами, но при такомъ видѣ подчиненности, сознаниѣ объ этой связи, раздвигаясь, было еще очень слабо... Гораздо важнѣе для общей связи племень и для скрѣпленія связи каждого племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность возить поводы, обязанность, въ послѣдствіи которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленные князевѣ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племень, участвіи ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовало сознанию о единствѣ та обязанность племень, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы"... Наконецъ, выходя племень изъ особаго родового быта, сосредоточенію каждого изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способствовало построение городовъ князь или, умноженіи народонаселенія, переводъ его съ стѣны на тоу и т.д." Довѣще говоря, пониманіе дѣйствія родового начала, по спо-

валь Бестуржева-Рюмина, составляет одну
 изъ существенныхъ и иныхъ заслугъ, оказанныхъ Со-
 ловьевыми наукой русской исторіи. Значеніе
 периода родовыхъ отношеній онъ опредѣляетъ
 слѣдующимъ образомъ: „связью между гасѣли
 широко родовое отношеніе владѣльца каждой
 части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ
 самому старшему изъ нихъ, отношеніе, основан-
 ное не только на происхожденіи всѣхъ владѣль-
 цевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на
 особенномъ способѣ владѣнія, который под-
 держивалось единство княжескаго рода: Но
 особенный способъ состоялъ въ томъ, что глав-
 ный, старшій стоить переходить постоянно
 во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ
 княжескомъ. Преемству на западъ и ро-
 довымъ княжескимъ отношеніямъ на восто-
 къ безспорно принадлежала опека надъ ново-
 рожденными европейскими обществами въ опас-
 ный періодъ ихъ младенчества.“ Отношенія
 между князьями приняты родовой характеръ
 по мнѣнію Соловьева подъ вліяніемъ среды, въ
 которую они были призваны управлять, но
 въ свою очередь и бѣгъ призывавшихъ племенъ
 долженъ былъ потерпѣть нѣкоторые измѣне-
 нія подъ вліяніемъ новыхъ началъ, внесен-
 ныхъ князьями. Нарушеніе преемства среди
 князей (что обнаружилось уже при первомъ
 преемникѣ Ярослава М.) повело къ увеличенію
 изгоевъ. Соловьевъ первый указываетъ здѣсь
 на значеніе изгоевъ. Борьба изгоевъ съ ихъ роди-
 чами изъ за удовольствія повела къ Любечскому
 съезду въ 1097 году. О причинахъ усобицы Соловьевъ

говорить: „Отсутствіе отчужденности, непосредственной насильственности властей было главной причиной усобищъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на Любечскомъ съездѣ князья устранили эту главную причину, стараясь ввести каждого родича во владѣніе тѣми волостями, который при первомъ поколѣніи принадлежали его отцу“. Соловьевъ не дѣлаетъ здѣсь оцѣнки о тѣхъ нарушеніяхъ этого постановленія, которые вскоре потомъ послѣдовали. Напр., Мономаховичи устранили отъ старшинства Ольговичей Черниговскихъ. Изъ приведенныхъ словъ Соловьева можно заключить, что со времени Любечскаго съезда наступаетъ безусловная вѣтчинность. Затѣмъ Соловьевъ характеризуетъ слѣдующими словами Владиміра Мономаха: „Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнять существующій порядокъ вещей, но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрѣпляетъ недосѣлки существующаго порядка, дѣлаетъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворить его общественнымъ потребностямъ“. После смерти Мстислава Владиміровича борьба возгорается уже не отъ изгойства, какъ прежде; теперь ведутъ борьбу племенные съ младшими дядями. Соловьевъ не выясняетъ эту перемѣну, въ которой играю, по мнѣнію Капеллина, не малую роль зарождавшееся вѣтчинное начало. Уже во 2ой поло-

вину XII в., именно, въ Суздальскихъ князьяхъ Соловьевъ видить проявленіе государственнаго начала, первыми представителями котораго были Юрій и сынъ его Андрей Боголюбскій. Интересна характеристика стверныхъ князей и ихъ деятельность, представленная Соловьевымъ въ его публичныхъ лекціяхъ: » Все они похотси друго на друга; въ нихъ безстрастныя мѣла трудно уловить истинную характеристическія черты каждаго; все они идутъ по одному пути, идутъ медленно, встарую, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ стверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовые княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ мы видимъ ясно постепенность этой сдѣлки ».

Татарское владычество, по мнѣнію Соловьева, не оставило глубокихъ слѣдовъ въ русской исторіи и поэтому не представляетъ важной поворотной грани для общаго хода событій. Развитіе централизаціи шло само по себѣ и не было вызвано монгольскими нашествіями. Роль татаръ Соловьевъ готовъ приравнять къ роли половцевъ. Затѣмъ Соловьевъ вставляетъ теорію новыхъ городовъ. По его словамъ въ предѣлахъ стверно-восточной Руси, благодаря

ея географическимъ условіямъ, были построены
 новые города, которые послужили къ усиле-
 нію княжеской власти. Андрей Боголюбскій,
 Всеволодъ III и др. могли опереться на эти но-
 вые города. съ устройствъ ихъ выразилось
 одно основное явленіе Русской жизни, которое
 Соловьевъ называетъ освободеніемъ князей, въ
 противоположность движенію прежнихъ кня-
 зей (по вѣщому ведному пути), т. е. постоян-
 ному передвиженію князей и княжескихъ
 дружинъ изъ одного княжества въ другое.
 На сѣверо-востокъ Руси князья освобожда-
 ли своихъ удѣлаиъ, но дружина еще не освободя-
 ется. Иванъ Грозный борется съ этимъ
 явленіемъ, которое считалось какъ бы правомъ
 бояръ, такъ называемымъ правомъ оубога.
 Крестъанское населеніе было закрѣпощено,
 что, по мнѣнію Соловьева, было благодѣль-
 но, но оно борется противъ этого закрѣпо-
 щенія. Стремленіе крестъанства къ передви-
 женію выразилось со всей силой въ казачествѣ.
 Соловьевъ въ статьѣ „Казачество до Богдана
 Хмельницкаго“ признаетъ казаковъ свободом.
 Казачество, какъ онъ говоритъ, по отноше-
 нію къ государству есть явленіе противо-
 государственное, по отношенію къ обще-
 ству — явленіе отрицательное. Вотъ воззрѣ-
 ніе Соловьева: „казакъ — человекъ бездомный,
 изгнанный изъ общества, человекъ, которо-
 му тѣсно, тяжело въ обществѣ при извѣстныхъ
 условіяхъ; такъ какъ самыя тяжелыя отно-
 шенія въ обществѣ были отношенія рабскія,
 то понятно, что большинство казаковъ состав-

лась изъ людей, въставъ въ степи стыски-
 вавшихъ себѣ свободу. Отсюда казакъ былъ
 бѣлый хлѣбъ и крестьянинъ былъ синопичъ,
 отсюда и сильная вражда между казака-
 ми и высшими земледѣльческими классами...
 Это не было выделение массы людей, разроз-
 нившихся съ большинствомъ въ извѣстныхъ
 убѣжденіяхъ - религиозныхъ или политиче-
 скихъ, или людей, ищущихъ большаго просто-
 ра, большаго удобства при употребленіи
 своего труда и капитала и потому спо-
 собныхъ положить прочныя основанія для граж-
 данскаго общества, - казакъ искалъ въ себѣ
 бѣгство изъ общества только личной сво-
 боды. Онъ являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ
 младенческимъ взглядомъ на общественныя
 отношенія, къ какому привыкъ его прежняя
 среда частной зависимости; онъ бѣжалъ въ
 степь вовсе не для того, чтобы трудиться,
 утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ
 труду, - онъ бѣжалъ для того, чтобы быть
 вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ, ибо
 понятіемъ труда соединялось понятіе му-
 жичества. Вольный казакъ, молодецъ, вовсе не
 хотѣлъ работать, или работать какъ можно
 меньше; хотѣлъ пить и ѣсть на чужой сѣдѣ,
 на счетъ чужаго труда. Плакшии образомъ,
 вышедъ казакъ въ степь изъ государства
 вовсе не былъ шагомъ впередъ въ обществен-
 ное развитіе, но скорѣе - шагомъ назадъ. Какъ
 бы ни было неудовлетворительно состояніе то-
 го общества, изъ котораго вышелъ казакъ, все
 же оно было гораздо выше образовавшагося

въ степи казацкаго общества, которое по своему характеру своему, именно по своему существу, имѣло чисто отрицательное значеніе въ исторіи, приравнивавшее къ окривлявшимъ его обществамъ Ногаевъ, Кашыковъ и крымскихъ татаръ. Вліяніе такого общества на государство не могло быть полезно..." Главнымъ образомъ періодъ Московскаго государства былъ періодомъ борьбы двухъ началъ. Соловьевъ особенно тщательно слѣдитъ за судьбой централизующаго государственнаго элемента. Ростъ Московскаго государства представляется ему въ такъую видъ: "Способствовало имъ (т.е. московскимъ князьямъ) существованіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что обуславливалось природой страны, передвижкой населенія, привычкой переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверо-восточной Руси, вѣдущей чужой голосъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слишкомъ; характеръ сѣвернаго населенія, вообще издавна неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, рассудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорее, чѣмъ какому либо другому, должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства; такое народонаселеніе должно было скорее Другаго понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ кня-

зей одному сильнѣйшему, причесть, какъ видно, народонаселеніе присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жаловаться о своей прежней особности"... „Не могло, продолжаетъ Соловьевъ, быть сильныхъ препятствій со стороны дружины, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстными князьями, съ извѣстными княжествами, имѣли право перехода отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественными нравственными вліяніями, сословіе духовное, издавна действовало въ пользу единовластия".

Изъясъ Московскихъ князей нечего было опасаться сильной вражды. „Предаваемая заднею рукою татарская была постоянно готова для сильного и богатаго князя". Оцены дружины хотѣли и приобрѣли на свѣрсть хорошее положеніе, хотѣли и явились между ними богатыми и могущественными дружинами, но соперничество этихъ дружин отвлекало ихъ отъ центральной власти и здѣсь, такимъ образомъ, не было почвы росту Московскаго государства. Московское государство мало по малу переходитъ въ Россійскую имперію и для Соловьева этотъ переходъ — явленіе естественное. Петровская эпоха была, по его мнѣнію, подготовлена предшествующей эпохой. Таковъ взглядъ Соловьева на общій ходъ Русской исторіи. Петровская реформа служитъ доказательствомъ того, что переходъ Московскаго государства въ Евро-

пейское.

Переходимъ къ частному обозрѣнію сочиненія С. М. Соловьева. 1ый томъ его исторіи вызвалъ подробную рецензію Кавелина. Этотъ первый томъ начинается географическимъ обзоромъ Русской территоріи. Здѣсь Соловьевъ впервые рассматриваетъ отношенія территоріи Россіи къ ея первоначальной исторіи. Мысль Соловьева заключается въ томъ, что огромная равнина Европейской Россіи заранее обусловливала ея политическое единство и почти одинаковый образъ жизни ея обитателей. Населеніе разделилось по 4^{мъ} главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ, изъ которыхъ самая большая - Волжская система рѣки имѣла судьбу образовавшагося въ ней Московскаго государства, предназначила ему распространиться до Каспійскаго моря, по Камской системѣ и прилегающимъ къ ней Сибирскимъ рѣкамъ - на востокъ въ Сибирь; близость верховъ Днѣпра опредѣлила распространеніе Московскаго государства въ юго-западную Русь. Этотъ взглядъ Соловьева, вѣрный, вѣтъ можетъ, въ своей основѣ, не всегда, однако, правильно развивается въ частностихъ. Соловьевъ очень часто увлекается своими выводами, къ которымъ Кавелинъ, и впадаетъ въ крайности. Зуманіе природныхъ условій на ходъ исторіи Соловьевъ распространяетъ чуть не до послѣдняго времени. Какъ во времена Геродота на югъ нынѣшней Россіи жили кочевники - Скифы, такъ и впоследствии. Эти кочевники смѣнились кочевниками же. Кавелинъ

спровергаетъ это мнѣніе тѣмъ, что наше население, съ расширеніемъ государства, подвигалось постепенно дальше на югъ, заселяя сѣни и вмѣстѣ кочевниковъ явилось земледѣльское, а въ послѣднее время и промышленное населеніе. Особенной крайностью отличаетъ взглядъ Соловьева на значеніе рѣчныхъ системъ. Когда исторія, образованіе Московскаго государства, даже образованіе самой Москвы, въ мѣстоположеніи какъ центра государства, - все это должно по нестрасному закону произойти такъ, а не иначе. Москва, какъ центръ государства, не могла явиться въ другомъ мѣстѣ; и если она явилась въ томъ центральному пунктѣ, гдѣ находится теперь, то эти самыя должны были сосредоточить вокругъ себя Русскія земли и образовывать государство. Вопросъ о колонизаціи сѣверо-восточной Руси въ первый разъ поставленъ у Соловьева научно и удовлетворительно. Общій взглядъ его на этотъ вопросъ таковъ: по берегамъ рѣкъ строятся первые города; по рѣкамъ и по примоканъ движется населеніе все дальше и дальше въ глубь земли и Русь заселяется. Заселеніе страны мирными путями, путями колонизаціи, движущейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, во въ главное отличіе Русской исторіи, есть главный, существенный ея характеръ. Основная мысль Соловьева въ его географическомъ обзорѣ, что будто обширная, однородная равнина создана единое государство, можетъ быть ограничена, по мнѣнію Навеш-

на, тѣмъ фактомъ, что Русская равнина представляетъ громадное разнообразіе. Основной взглядъ Соловьева на религію таковъ: „религія восточныхъ Славянъ соотвѣтствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ германскаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ; знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей германъ и что переселенія ихъ совершались въ родовой, дружинной формѣ.“ Въ изложеніи върованій, по словамъ Навешина, есть много произвольныхъ, недоказанныхъ и невѣроятныхъ предположеній. Напримѣръ, ошибочно Соловьевъ придаетъ Перуну другое названіе — Сварога. Въ доказательство онъ приводитъ одно мѣсто изъ Ипатьевскаго списка, гдѣ говорится, что Зересѣ и Славянскій Сварогъ одно и то же. Но Зересѣ — богъ кузнецъ, богъ огня; ни Зересѣ, ни Сварогъ никогда не были богами молніи, каковыми были Перунъ. Уже одно стараніе Соловьева привести языческія върованія, несистематическій вѣдъ и увѣръ народовъ, даже у Грековъ и Римлянъ, въ сущему и стройное цѣлое, — уже это стараніе должно было повести къ произвольнымъ положеніямъ. Соловьевъ, напримѣръ, говоритъ, что масленица — языческій весенній праздникъ, который „имѣлъ мѣсто въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходи́тъ съ

Въ Великій постъ, то по принятіи христіанства празднованіе ея перенесено на конецъ Рождественскаго мясоеда и отпаса на святое воскресеніе. Затѣмъ праздникоу Яришъ ентъ сличиваетъ съ праздникоу Кушанъ и т. д.

Взглядъ Соловьева на Московскій періодъ, - до Петра отпугивается двойственностію: въ то время, какъ взглядъ его на русское общество того времени отпугивается отрицательными характерами, правящая власть наоборотъ обрисована у него въ самомъ благоприятномъ свѣтѣ; эта власть являющаяся у него чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣннымъ, въ противоположность передвиженіямъ населенія, бояръ и удѣльныхъ князей. Неудивительно, что Соловьевъ оправдываетъ даже Грознаго и оправдываетъ, именно, съ государственной точки зрѣнія. Въ противоположность Чарамдину, Косюмарову и Славянофиламъ, Соловьевъ всесторонне разсматриваетъ дѣятельность Грознаго, его борьбу съ боярами; дѣлаетъ обстоятельную характеристику переписки его съ турубскими. Онъ не можетъ только примириться съ Грознымъ въ нравственномъ отношеніи. Причиной смутной эпохи онъ считаетъ стремленіе бояръ къ крамоу и въ этомъ съ ними сходится Забѣлинъ. То мнѣніе Соловьева, какъ и Забѣлина, смута прекращена была наиболѣе консервативнымъ элементомъ Руси - посадскими людьми, представителями, типомъ которыхъ служилъ Козьма Мининъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія Соловьевъ, какъ представитель государственнаго элемента въ исторіи, долженъ быть Рус. исторіографіѣ 24. лек. пр. Багалъз.

и нѣтъ отрицательный взглядъ, напр., на казачество, о чемъ мы говорили выше. Петровская эпоха была подготовлена, по его мнѣнію, тѣми измѣненіями, который происходили во время Михаила Федоровича и Алексея Михайловича въ государственномъ, общественномъ и частномъ бытѣ Россіи. Особенно интересенъ взглядъ его на личносѣ и дѣятельность Петра Великаго: „Мы уже говорили въ свое время о томъ, какъ подготовлена была дѣятельность Петра всею предшествовавшей исторіей, какъ необходимо истекала изъ нея, какъ требовалось народу, который долженъ былъ пройти страшнаго переворота, посредствомъ необычайнаго напряженія силъ выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человека, который, при совершеніи такого труднаго подвига, подавъ мощную руку великому народу, необычайной силой своей воли направилъ всю его силу, давъ направленіе движенію. Исторія ни одного народа не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями, какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ, во всемирной исторіи“.

У иностранныхъ историковъ - у западныхъ долженъ быть, по мнѣнію Соловьева, сформироваться враждебный взглядъ на Петровскую эпоху, такъ какъ они привыкли къ мысли объ немощномъ господствѣ въ новой исторіи Германскаго племени, а посиль Петра они долж-

ны были признаны влияніе России на фюла Европы, признаны въ России представительству славянскаго племени, члѣвъ уничтожана съ монополія племени Германскаго. Взгляды на Петра нашихъ историковъ были вначалѣ благоговѣйныя, даже религіозныя, какъ выражается Соловьевъ и только во 2-ой половинѣ XVIII вѣка вызвали противодѣйствіе. „Въ это мѣсто проіюводствіи, говоритъ Соловьевъ, высказывалось поступательное движеніе, духовное развитіе Русскаго народа“. Въ XIX ст. на подобныя реакціонныя взгляды имѣла вліяніе французская революція съ ея потрясеніями и насильствъ надъ народами; страхъ предъ возобновленіемъ революціонныхъ движеній, говоритъ Соловьевъ, заставилъ относиться враждебно вообще ко всѣмъ въстѣршимъ нарушеніямъ стараго, усиливъ охранительное направленіе, которое описывается и авторъ „исторіи государства Россійскаго“. Самъ Соловьевъ былъ защитникомъ Петровской реформы и настоящее время, по его мнѣнію, есть результатъ этихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи онъ является истинно западникомъ, считаетъ реформы благодѣтельными и необходимыми, такъ какъ до-Петровская Русь считалась крайнимъ невѣжествомъ. Этотъ крайній образъ онъ рисуетъ общую картину реформъ: „Время переверотовъ есть время тяжелыхъ для народовъ: такова была и эпоха преобразованія. Жалобы на тягосты великія слышались со всѣхъ сторонъ, и не напрасно. Русскій человекъ не зналъ покая отъ напоровъ: набѣръ въ тяжелую безпрерывную

военную службу по летнюю, въ новую службу морскую, наборъ въ работники для новыхъ трудныхъ работъ въ лѣсахъ отдаленныхъ и непривлекательныхъ; наборъ въ школы свои, наборъ для отсылки въ ученье за границу. Для войска и флота, для работъ, школъ и больницъ, для содержания дипломатовъ и для дипломатическихъ подвиговъ нужны деньги, а денегъ нѣтъ въ бѣдномъ государствѣ: тяжкій подать деньгами и натурой ложатся на вѣкъ; въ нужныхъ случаяхъ вычитаютъ изъ казначейства; люди достаточные раздоряются постройкой домовъ въ Петербургѣ; взято все, что можно было только взять, все отдано на откупъ; у бѣднаго народа нашия предметы роскоши - дубовые гробы, и тѣ отобрала казна и передала дорожному; раскопавши татяръ двойной окладъ; бородати откупаютъ свои бороды. Предписаніе за предписаніемъ: шитье руды, шитье красокъ, доставляйте монетровъ, улаживайте за овцами не какъ прежде, выдѣлывайте кожи, стройте суда по новому, не шьите ткань узкихъ полотенъ, возите товары не на востокъ, а на западъ. Правительственные лѣта, суды - новые: не знаютъ, куда обратиться; меня этихъ лѣтъ и судовъ не умиютъ обходиться съ новыми дѣломъ, отсылаютъ бумагу изъ одного учрежденія въ другое, волонтира страшная; новые бѣдствія: постоянная вооруженная сила лежи на безоружное народонаселеніе. Укрываются отъ тяжелой службы, но не вѣдь это удастся; жестокие наваданія грозятъ осуживающаго указа, и не вѣдь экениются дворянину негра-

мощному. А между тѣмъ подъ новыми фран-
цузскими картанами и париками старая гру-
бость нравовъ; тоже неуваженіе къ человѣче-
скому достоинству въ себѣ и другихъ, самыя бе-
зобразныя явленія въ тулу (пвансѣвъ), которы-
ми долженъ сканчиваться каждый пиръ;
женщина введена въ общество мужчинъ, но она
не окружена должнымъ уваженіемъ къ ея по-
лу, къ ея обязанностямъ; беременную ее за-
ставляютъ пить чрезъ штору. Члены высшихъ
учрежденій ссорятся, бранятся другъ съ дру-
гомъ самыя грубыя обиды; взяточниче-
ство сильно попрежнему; слабый подверженъ
всѣмъ насиліямъ отъ сильного... Но это только
одна сторона, есть другая. Народъ проводитъ
трудную жизнь. Строгий учитель не падаетъ
наказаній ленивымъ и нарушителямъ уста-
вовъ; но дѣло не ограничивается однимъ угро-
зами и наказаніями. Народъ дѣйствительно
учится; учитель не одной цифри и геометріи,
не въ однихъ школахъ, русскія и заграничныя;
народъ учится гражданскимъ обязанностямъ,
гражданской дѣятельности. Три изданія
каждаго важнаго постановленія, при введеніи
важнаго преобразованія, законодатель объясня-
етъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое
лучше стараго... Впервые мысль русскаго че-
ловѣка была возбуждена, его вниманіе обра-
щено на важныя вопросы государственнаго
и общественнаго строя; сочувственно или несо-
чувственно обращаясь къ словамъ и дѣламъ
царя, все равно, надъ этими словами и дѣ-
лами думали; эти слова и дѣла постоян-

но будили русского человека. Что могло погубить общество одряхлевшее, народъ, неспособный къ развитію, — превращенія преобразовательной эпохи, незнаніе покоя, — то развило силы молодого и крѣпкаго народа, долго спавшаго и мучившагося въ снѣжномъ толкѣ днѣ пробужденія. Поцупился болю чепу. На верху правительствующій сенатъ, Синодъ, всаду номеліальное устройство, прениществова кеторого подробно изложены въ духовномъ регламентѣ; повсюду выборное начало; промышленное сословіе изъято изъ вѣдѣній воеводъ, ему дано самоуправленіе. Эта система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія: противъ разрозненности елихъ, непривычки къ общему дѣлу, противъ отсутствія самодеятельности, отсутствія способности начинать дѣло... Указанными недостатками страдала претія царская дума; Петръ учреждаетъ Сенатъ, которому приецаи, которая указы должны были слушаться, какъ указы царскихъ. Петръ не ревновалъ къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ее, наоборотъ, онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобы Сенатъ воспользовался своимъ значеніемъ, чтобы былъ именно правительствующимъ; указы, выговоры Петра Сенату были за медленность, вало еѣ за отсутствіе распоряженности, за нецѣпніе заставитъ привести свои приговоры немедленно въ исполненіе. Затѣмъ Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующую сѣбенку личности Петра и его реформы: „Никогда ни одинъ народъ

не совершая такого подвига, какой былъ совершенъ Русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общественной жизни; немощными усиліями, страшными пожертвованіями далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успѣвшійся, какъ только приобрести было необходимое для его внутренней жизни. Человекъ, руководившій народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть большаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе самодержцемъ-завоевателемъ, и въ этомъ являлся полнымъ представителемъ своего народа, незабавительного по природѣ племени и по условіямъ своей общественной жизни. Словія Петра высказались въ ясное уразумѣніе положенія своего народа и своего общенароднаго, какъ возрѣя этого народа; онъ созналъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представилась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ заграницы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его стурблецкимъ бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ

него, вопишь увѣровавшимъ въ нравственные
смыслы своего народа, и не замедливъ призвать
его къ великому подвигу, пожертвованіямъ
и лишениямъ всякаго рода, показывая самимъ
примеромъ во всемъ это. Ясно сознавши, что
русскій народъ долженъ пройти трудную шко-
лу, Петръ не усмирился подвергнувъ его
страдательному, унижительному положенію
ученика; но въ тоже время онъ успѣлъ уравно-
весить невыгоды этого положенія славою и
величіемъ, превратилъ его въ дѣятельное, ус-
пѣвъ создать политическое значеніе России
и средства для его поддержанія. Петру
предстояла трудная задача: для образо-
ванія русскихъ людей необходимо было вызвать
иностранныхъ наставниковъ, руководителей,
которые естественно стремились подчинить
учениковъ своему влиянію, стать выше ихъ;
но это унижало учениковъ, которыхъ Петръ
хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорее масте-
рами. Петръ не поддавался искушенію, не
принималъ предложенія вести дѣло успѣшно съ
мадьями выученными, вопишь приотворен-
ными, но иностранцами, хотѣвъ, чтобы
свои русскіе проходили дѣятельную школу,
хотя бы это стоило и большихъ потерь, сопро-
вождаемыхъ большими неудобствами. Мы ви-
дѣли, какъ онъ поспѣвши оторваться отъ
иностраннаго феивдиаршана, видѣли, какъ
на всѣхъ высшихъ мѣстахъ поставилъ рус-
скихъ людей, а иностранцамъ далъ только
второстепенный, и мы видѣли, какъ Петръ
былъ награжденъ за веру въ свой народъ, за

преданность ему. Эта же с необыкновенною осторожностью, умевшая не перейти должных границы раздвинула дома Петра трудная задача церковного преобразования. Он уничтожил одноличное управление и заменил его коллегиальным или соборным, что вполне соответствовало духу восточной церкви; мы видим, что одно из главных забот Петра было поднятие русского духовенства посредством образования; не смотря на сильное и понятное нерасположение к монашеству, он не уничтожил этого учреждения, подобно Генриху VIII английскому, только стараясь дать ему больше соответствующую его характеру деятельность." Вступил Архимандрит Петра Соловьев раздвигает на 2 группы: к одной он причисляет тех, которые нарушили Петровский реформы, а к другой тех, которые их продолжали. К 1-ой категории относится Анна Ивановна. Многостранны у нее занятия: первый мистика (Бирон), даже не по своим личным способностям, в противоположность обычаям Петра в этом отношении. Может самое продолжалось и при Иоанне Антоновиче и Анне Лесоводовне. О Бироне и его характере Соловьев говорит: „Пякелъ былъ Биронъ какъ фаворитъ, какъ фаворитъ — иностранецъ; но все же онъ тогда (при Анне Ивановне) не святилъ собственнымъ свѣтомъ и, хоти и имѣлъ сильное вліяніе на двѣя, однако, доволѣе въясвѣнаѣ.

нымъ много прихвотнымъ, не имѣвшимъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавидимый фаворитъ — иноземецъ, на котораго привоили скидывать весь вѣдѣвѣ прошлаго тяжелаго царствованія, становясь правителемъ самостоятельнымъ; эта юбка, брошенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали дни Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались священнымъ именемъ наследниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли преобразователя иноземцемъ, подкидывали въ семью русскихъ царей; но другіе и лучшіе люди стояли надъ этими баснями. А теперь въ вѣдѣ, безъ прикрытія иноземецъ, инотворецъ само-властно управляетъ Россіей и будетъ управлять 17 лѣтъ — по какому праву? — потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Случайными глазами православный русскій погъ теперь смотрѣтъ на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безпробѣвенному и бездарному иноземцу, какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было

нельзя. Даже иностранцы, недавно пригласившіе въ Россію, не могли не замѣтить, что на мнѣ каждого изъ русскихъ была напечатана горестная картина, въ видѣ чего надобно ожидать всевозможныхъ безпокойствъ и смущеній; Русскіе понимали, что герцогъ курляндскій унижилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и покрылъ ее вечнымъ стыдомъ, который она унесла съ собою въ могилу. Въ негоднованіи и гнѣвѣ они ошановались и на несправедливостѣ, оказанную цесаревнѣ Елизаветѣ; говорили, что если уже регентомъ непремѣнно долженъ быть иностранецъ, то болѣе права на него имѣетъ отецъ императора, принцъ Брауншвейгскій; другіе говорили, что если уже надобно подвергаться неудобствамъ малолѣтства государева, то почему же не призванъ на престолъ молодой герцогъ Голштинскій, который по мѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Александръ Антоновичъ." Владычество иностранцевъ было вызвано, по мнѣнію Соловьева, неудачными исходами попытокъ верховниковъ. Тѣмъ же эти состояли въ томъ, что нѣкоторые знатныя фамиліи: Долгорукиѣ, Голицыныѣ и др. пытались подняться до престола; они были низвергнуты и на ихъ мѣсто явились иностранцы. Во владычество иностранцевъ Соловьевъ видитъ самое пагубное отступленіе отъ мыслей Петра Великаго: „нѣкоторое противодействие петровскихъ началъ, говоритъ Соловьевъ, обнаружилось въ усмѣхѣмъ личнаго управленія въ областяхъ, въ надзорствѣ личнаго Этаса надъ сенатомъ то подыме-

нелю тайнаго верховнаго совѣта, то подъ именею кабинета. Но болѣе печальныя свидѣнія нѣ было: стѣсненіе отъ мысли Петра Великаго относительно иностранцевъ. Самая сильная опасность при переходѣ Русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой — въ жизнь общественную народовъ, — главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чуждымъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ по этому надо было учиться. Въ этомъ то ученическомъ положеніи относительно чуждыхъ живыхъ народовъ и заключалась опасность для сны и самостоятельности Русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностью въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія. Примиришь суровыми крайностями подчиненія западныхъ европейскихъ народовъ своимъ учителямъ — Грекамъ и Римлянамъ, когда они въ эпоху возрожденія совершали такой же переходъ, такой Русскіе совершали въ эпоху преобразованія, съ тѣмъ разлнціемъ, что опасность подчиненія уменьшалась для западныхъ народовъ тѣмъ, что они подчинялись народамъ мертвымъ, тогда какъ Русскій народъ долженъ былъ учиться у живыхъ учителей. Путь то Петръ и искалъ великую помощь своему народу, сокращая сроки ученія, заставляя немедленно проходить практическую школу, не оставляя долго Русскихъ людей въ сраженіиablyнъ положеніи учениковъ". Въ Слуда-

вѣтъ Соловьева видѣть приишю предолжательни-
 цу Петра. Тѣмъ Петра Великаго настоящего-
 сподетво мнозицею и это иго съ запада, по сло-
 вамъ Соловьева, оказаносъ болѣе тяжельшиъ, чѣмъ
 прежде съ востока татарскіе. Отъ этого иа
 избавиша Россію Дѣлъ Петра Великаго: Россія
 прииша въ себя. На высшихъ мѣстахъ управ-
 ленія снова явишесъ русскіе люди, и когда на
 мѣсто второстепенное назначали иностран-
 ца, то Елизавета спрашивала: развѣ нѣтъ
 русскаго? Иностранца можно назначить толь-
 ко тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго.
 Народная дѣятельность распеленовываеа
 уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки
 являюа на помощь землевладѣльцу и куп-
 цу; на востокъ начинается снѣжная разрабо-
 ка рудныхъ богатствъ; торговля съ средней Азі-
 ей принимаетъ обширныя размѣры; козенныя
 степи получаютъ населеніе изъ заграницы, насе-
 леніе, однородное съ главнѣйшѣмъ населеніемъ, подѣ-
 лу легко съ нимъ снѣвающееся, а не чуждое, ко-
 торое не перевариваеа въ народномъ тѣлѣ;
 учреждаеа генеральное межеваніе; народъ, при-
 медливъ въ себя, начинаетъ говорить о себѣ и
 про себѣ, и являеа литература, являеа
 языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа;
 являюа писатели, которые остаются еще
 въ памяти и мысли потомства, являеа
 народный театръ, журналы, въ старой Мо-
 сквѣ основываеа университетъ. Человѣкъ, иш-
 нувшій прежде передъ теперашьмъ началомъ, стано-
 вится послѣднимъ работникомъ въ странѣ, ко-
 торая болѣе чѣмъ какая либо другая нуждается

ся въ рабочей ситѣ; попытка заботливо оцѣрнаная при первой возможности и, такимъ образомъ, на практикѣ приготавливается ея уничтоженіе; для будущаго времени приготавливается новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правшахъ, чѣмъ тѣ, которыхъ господствовало въ прежнія царствованія, воспитывается приготавливается чѣмъ рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитѣйшее царствованіе Екатерины IIей". Время Петра III является у Соловьева въ отрицательномъ видѣ; это-эпоха господства Солитинцевъ, сибиротенцевъ и иностранцевъ. На время Екатерины II нѣтъ у Соловьева опредѣленнаго взгляда, такъ какъ онъ не довелъ до конца обзоръ этого царствованія.

Бромадный трудъ Соловьева (29 т.) составляетъ поистинѣ драгоцѣнный вкладъ въ Русскую историческую науку. Онъ доведенъ до половины царствованія Екатерины II. Выдающимся достоинствомъ этого труда нужно признавать выдержанность общаго историческаго взгляда. Для Соловьева русская историческая жизнь представляется въ началѣ въ видѣ рода, затѣмъ постепенно сибняемаго началомъ государственнымъ. Соловьевъ могъ выполнить свою задачу во 1. благодаря правильному систематическому труду и во 2. потому, что онъ обратился къ архивамъ и внесъ массу новаго матеріала. Особенное значеніе его трудъ по новизнѣ матеріала имѣетъ во 2ой части своей — съ XVII вѣка. Нроль черковъ въ нашей исторіи находитъ массу чуждаго матеріала и о внутреннемъ бытѣ русска.

го общества. Но дипломатическая история (14 т.)
 служит предметом особенного внимания сочи-
 нителя. Въ числу более серьезных недостат-
 ков труда Соловьева принадлежит пре-
 обладание догматической стороны над кри-
 тической. Соловьев выступил въ то время,
 когда въ русской истории созрѣло значительное
 число вопросов, но не было соответствующих
 ответовъ. Соловьевъ никогда не даетъ по-
 добныхъ обзорныхъ курсовъ мнѣній. Онъ не опровергаетъ
 противоположныхъ взглядовъ, не даетъ
 характеристичныя предшествовавшихъ трудовъ
 по русской истории, и мы даже не знаемъ, какъ
 онъ самъ смотрѣлъ на свою задачу, приступая
 къ своему труду. Недобные недостатки даютъ
 особенно чувствовать себя въ тѣхъ мѣстахъ,
 гдѣ затронуты спорные вопросы. Здѣсь мы
 находимъ всегда только одно мнѣніе - самого
 автора. Основная мысль труда Соловьева,
 - идея государственная - законна идея
 народа; народъ является пассивнымъ ору-
 діемъ для эксперимента государственной вла-
 сти. Авторъ мало интересуются бытовыми ра-
 сколниками, крестьянъ. Для него не имѣетъ
 значенія то, что уничтожено централизацией,
 что полезно, но на самомъ дѣлѣ оставило все
 таки нѣкоторый слѣдъ. Въ предшествовав-
 шемъ московской централизацией учрежденія,
 выборные установленія (вѣче), по его мнѣнію,
 отжили свой вѣкъ уже потому, что тамъ
 внутренній бытъ измѣненъ неудовлетвори-
 тельно; онъ является въ такомъ постепенномъ,
 правильномъ развитіи, какъ начало госу-

дарственное. Это какія-то напередъ данныя ниточки, напоминающія матеріаломъ; читаешь при чтении какъ бы прерывается нить разсказа; это нечто суровое, чрезвычайно раздробленное. Не соблюдена историческая перспектива, т. е. на ряду съ ниточными вопросами стоятъ вопросы первостепенной важности. У Соловьева ниточко матеріалъ господствуетъ надъ авторомъ; мы встречаемъ у него массу матеріала необработаннаго, непереваареннаго. Соловьевъ создалъ цѣлую ниточку историковъ и юристовъ. Его покровители! Кавелинъ, Чернинъ, Леонтовичъ, Самаковасовъ, Никитскій, Ключевскій, отчасти Забелинъ, Владимірскій Будаговъ и др. Эту ниточку можно назвать историко-юридической. Наибольше замѣчательными покровителями Соловьева является -

§ 17. Константинъ Дмиріевичъ Кавелинъ.

Библиографія:

Бестужевъ-Рюминъ. О сочиненіяхъ Кавелина. (Отг. зап. 1860).

Спасовичъ. Памяти Кавелина (Вѣстникъ Европы 1885).

В. К. Поддубицкій въ русской литературѣ (Рус. Бог. 1889).

Кавелинъ собственноразвивающъ и дополняющъ взгляды Соловьева и былъ вѣстѣ съ тѣмъ его критикомъ. Это - личность очень выдающаяся и по своимъ умственнымъ дарованіямъ, и по нравственнымъ качествамъ, хотя онъ не создалъ ничего, соответствующаго своимъ громаднымъ